

УДК 902 (571.150)

ББК 63.48 (2 Рос — 4 Алт)

Поселение Новозыково 3 (история исследования, планиграфия, вещевой комплекс)

А.А. Казаков¹, О.М. Казакова²

¹Барнаульский юридический институт МВД России (Барнаул, Россия)

²Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Settlement Novozykovo 3 (History of Research, Planigraphy, Findings)

A.A. Kazakov¹, O.M. Kazakova²

¹Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Barnaul, Russia)

²Altai State University (Barnaul, Russia)

Работа открывает серию статей, посвященных публикации материалов с многослойного поселения Новозыково 3, расположенного в предгорной зоне (Красногорском районе) Алтайского края. Было исследовано 408 кв. м поселения. Наиболее многочисленные находки относятся к эпохе раннего железного века и представлены преимущественно керамикой. Второй комплекс соотносится с материалами майминской археологической культуры. В первой статье дается описание поселения, история его исследования, глазомерный план, план раскопа. Полностью публикуется вещевой комплекс, представленный 16 изделиями из железа, керамики и камня; осуществлена первичная культурно-хронологическая атрибуция полученного материала. Описаны выявленные объекты, относящиеся к майминской археологической культуре, которая является одной из наименее изученных на территории Алтайского края, — полуземляночное жилище и яма хозяйственного назначения. Представлена авторская точка зрения на хронологические рамки быстрианской и майминской археологических культур, которые датируются VI—I вв. до н.э. и I в. до н.э. — VIII в. н.э. соответственно. Опубликованный материал впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: поселение, планиграфия, предгорья, ранний железный век, жилище, майминская культура, быстрианская культура, хронология.

DOI 10.14258/izvasu(2018)2-27

Этой статьей начинается серия публикаций материалов поселения Новозыково 3, которое достаточно хорошо известно среди исследователей как Красногорского района Алтайского края, так

This work opens a series of articles devoted to the publication of materials from the multi-layer settlement Novozykovo 3 located in the foothills (Krasnogorskii District) of the Altai Territory. 408 square meters of the settlement have been studied. The most numerous findings are dated Early Iron Age and are mostly ceramics. The second complex is co-related with the materials of the Maiminskaya archaeological culture. The first article gives description of the settlement, history of its research, its ocular estimation plan, excavation site plan. The finds of 16 objects of iron, ceramic and stone are documented; the article also provides primary cultural-chronological attribution of the found materials. There has been given a description of a half-dugout dwelling and a midden as belonging to the Maiminskaya archaeological culture, one of the least studied in the Altai Territory. The authors present their view point on the chronological frames of the Bystryanskaya and Maiminskaya archaeological cultures, which are dated correspondingly by 6th—1st centuries B.C. and 1st century B.C. — 8th century A.D. The published material is introduced into scientific discourse for the first time.

Key words: settlement, planigraphy, foothills, early Iron Age, dwelling, the Maiminskaya culture, the Bystryanskaya culture, chronology.

и предгорной зоны в целом. Несмотря на то, что материалы поселения Новозыково 3 представлены фрагментарно, публикацией лишь предварительных данных о его исследовании и непредставительных

выборки керамического комплекса, перечислением датирующих вещей [1], к нему не раз обращались при реконструкции культурно-исторических процессов в этом регионе [1–5]. Несмотря на то, что с момента его исследования прошло 27 лет, материалы поселения до сих пор полностью не введены в научный оборот. Задачей настоящей публикации является устранение указанной недоработки.

Памятник расположен на слабом мысовидном выступе второй надпойменной террасы левого берега реки Иши высотой 5–6 м, который с юга ограничен подошвой горной складки, с севера и запада — поймой Иши, с востока оврагом, по дну которого протекает небольшой ручеек, на 25-м км автодороги Красногорское — Усть-Иша, в 3,5 км к западу от окраины с. Новозыково. Визуально на поверхности поселения не фиксируется никаких конструкций (рис. 1).

Поселение открыто одним из авторов (А.А. Казаковым) в 1991 г., при обследовании проектируемой автодороги Красногорское — Усть-Иша, в составе пяти поселений, получивших названия по расположенному рядом селу — Новозыково 1–5. На мо-

мент открытия поселение было почти полностью разрушено проходившей по его площади автодорогой, русловыми процессами реки и постоянно растущим оврагом. Планируемые работы по реконструкции автодороги Красногорское — Усть-Иша грозили ему полным уничтожением, поэтому с целью освобождения площади под строительство автодороги от археологического памятника поселение было частично исследовано совместной археологической экспедицией Алтайского государственного университета и Барнаульского государственного педагогического института (названия образовательных организаций даны на 1991 г.).

Исходя из специфики работ (новостроечное исследование) на поселении были размечены в единой координатной сетке два раскопа. Большой раскоп площадью 752 кв. м заложен вдоль полотна автодороги, где культурный слой был полностью разрушен и переотложен. Необходимость проведения работ на этих площадях диктовалась техническим заданием. Второй раскоп площадью 408 кв. м заложен на непо потревоженной части поселения. Этим объясняется не совсем удобочитаемая координатная сетка

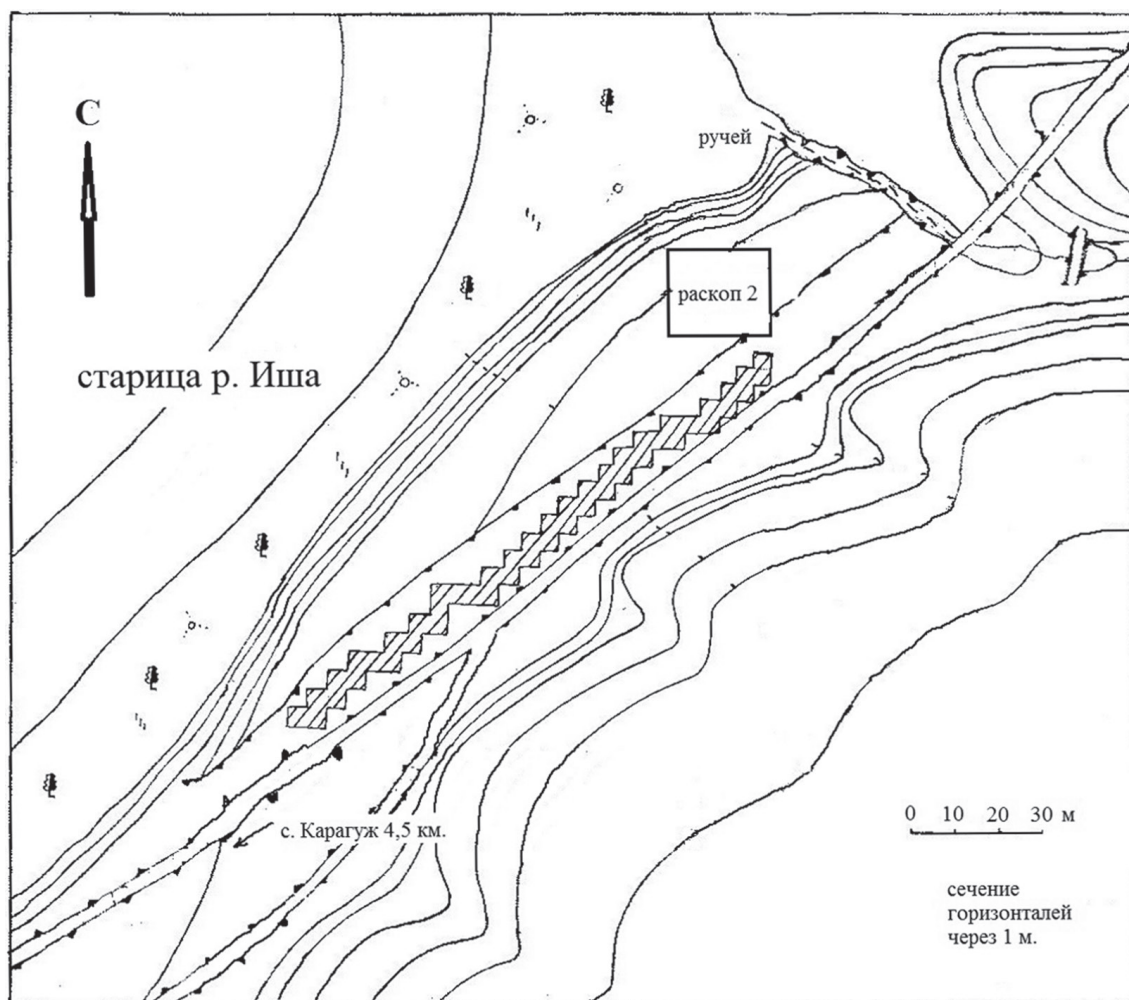

Рис. 1. Глазомерный план поселения Новозыково 3

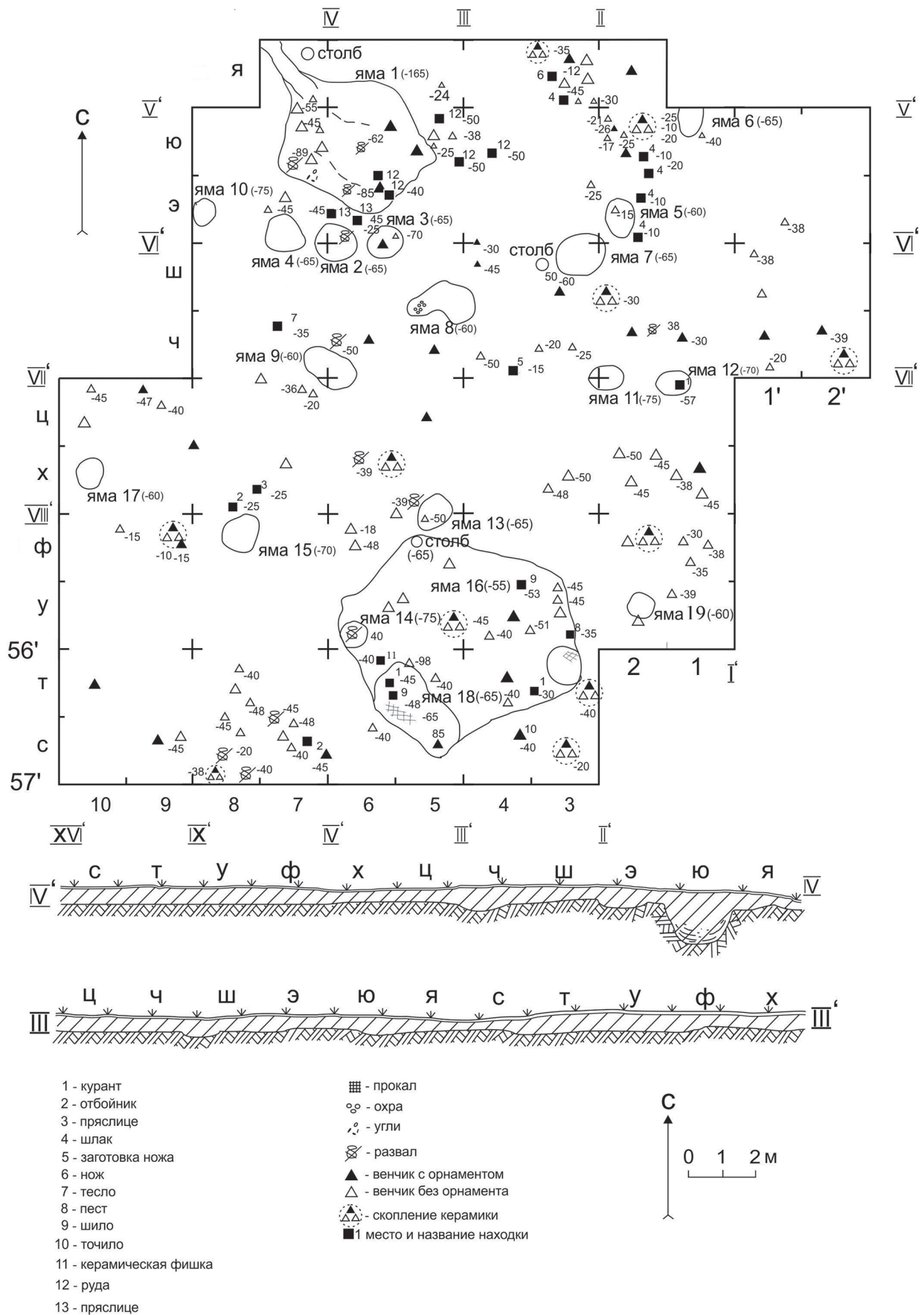

Рис. 2. Поселение Новозыково 3. План раскопа

публикуемого раскопа, которая читается против всех правил: справа — налево и снизу — вверх. Перед публикацией автор намеренно не стал приводить координатную сетку к более привычному виду, решив описать ситуацию, которая привела к подобным совершенно неудобным обозначениям. Таким образом, общая площадь, исследованная на поселении, составила 1160 кв. м.

В данном случае большой раскоп площадью 752 кв. м был заложен на уже изначально разрушенных участках культурного слоя и дал минимальное количество абсолютно неинформативного переотложенного материала, о котором в настоящей работе даже упоминаться не будет. Раскоп 2, заложенный немного в стороне, на уцелевшем от разрушения культурного слоя месте, дал интереснейшие материалы (рис. 2).

Культурный слой на поселении представлен хорошо гумусированным, плотным лессовидным суглинком. Материал в культурном слое залегал неравномерно — в верхних горизонтах (при выборке первого штыка) его было значительно меньше, чем при выборке второго горизонта, несмотря на то, что мощность выборки второго горизонта была меньше, так как это диктовала необходимость зачистки площади раскопа по границе культурного слоя и материка с целью планиграфической фиксации как можно большего количества объектов.

Несмотря на то, что поселение многослойное (типологически выделяется два культурно-хронологических комплекса материалов), стратиграфически культурные слои не фиксируются, материал различной культурно-хронологической принадлежности залегает на разных уровнях. Это объясняется выбросом более раннего материала наверх в результате хозяйственной деятельности более позднего населения при сооружении различных объектов — хозяйственных ям и жилищных построек с котлованами.

Планиграфические наблюдения стали возможны на уровне 45 см от современной дневной поверхности. Зачистка была проведена по границе культурного слоя и материка, хорошо отделявшегося от культурного слоя по цвету, с небольшим снятием (порядка 3–4 см) материкового слоя.

Планиграфические наблюдения позволили выделить на площади раскопа 19 объектов различного функционального назначения. Основной интерес представляют два объекта, имеющие наибольшую площадь. Это яма 1 и яма 16. Яма 16 трактуется нами как жилище, яма 1 — как хозяйственная (возможно, производственная) постройка (рис. 2).

Жилище выявлено в юго-восточной части раскопа. Хорошо фиксировалось по пятну темного цвета с четкими контурами. Котлован жилища имел

неправильную трапециевидно-пятиугольную форму, со стенками, ориентированными по промежуточным сторонам света. Длины стенок 6, 5, 4, 3 и 3 метра, площадь котлована — примерно 31 кв. м. Первоначально, вероятнее всего, котлован имел более правильную прямоугольную форму. Глубина котлована, впущенная в материк, составила порядка 20 см. Уровня древней дневной поверхности проследить по всей площади раскопа не представлялось возможным, поэтому о глубине котлована в момент сооружения жилища мы говорить не можем, несомненно, его глубина от древней дневной поверхности была больше, чем заглубленная в материк.

Стенки котлована, впущенные в материк, были вертикальными, дно — ровным, горизонтальным. В жилище зафиксированы три хозяйственных и одна столбовая ямы, тяготеющие к углам жилищного котлована. Мощность хозяйственных ям от 10 до 25 см, глубина столбовой — 30 см от уровня материка.

В заполнении котлована найдены несколько развалов сосудов и зафиксированы скопления керамики, которые залежали вдоль стенок. Необходимо отметить, что мелкие фрагменты керамики были достаточно равномерно распределены по всей площади жилищного котлована (рис. 2).

Кроме керамики в заполнении жилища найдены обломки куранта (рис. 4 — 6, 7), керамическая фишка (рис. 3 — 9), обломок железного шила (рис. 3 — 3), железное шило (стамеска?) с кольцевым навершием (рис. 3 — 5) и каменный пест (рис. 4 — 1).

Подавляющее большинство находок залежали в хозяйственных ямах внутри жилищного котлована. К сожалению, ни очага внутри жилища, ни выхода из жилища проследить не удалось. Вероятнее всего, это была полуземляночная постройка.

По материалу, полученному при исследовании жилища, мы можем отнести его к майминской археологической культуре.

Яма 1 располагалась в северо-восточной части раскопа. Контур ямы хорошо фиксировались на уровне зачистки. Яма имела неправильную пятиугольно-бутылочную форму с горлышком, расположенным в наиболее широкой части и направленным на северо-запад, в сторону поймы Иши. Судя по рельефу местности, именно с этого открытого направления дуют преимущественные ветра.

Площадь ямы на уровне зачистки порядка 12 кв. м. По мере выборки заполнения ямы тонкими горизонтальными слоями ее форма изменялась, и на уровне 75 см от современной дневной поверхности она приобрела правильную подовальную форму с длинной осью, ориентированной по линии С-З — Ю-В. Ее площадь сократилась до 4 кв. м.

В заполнении ямы, при выборке первого горизонтального слоя, в южном углу, на глубине 45–50 см,

были найдены обломок керамического пряслица (рис. 3 — 8) и целое керамическое пряслице (рис. 3 — 7).

Заполнение этой ямы отличалось от заполнения других ям и представляло собой сильно гумусированный, насыщенный мелкими угольками суглинок. При дальнейшей выборке в яме обнаружены три развала сосудов, относящихся к позднему культурно-хронологическому комплексу майминской культуры, что позволяет отнести исследованный объект именно к этому времени. Немного выше дна ямы, зафиксированному на глубине 165 см от современной дневной поверхности, находились горелые деревянные плашки, которые, судя по залеганию, можно интерпретировать как перекрытие.

Интересно, что в заполнении ямы и чуть восточнее от нее находились скопления камней, вероятно, руды и гематитов (определений специалистов, к сожалению, нет, поэтому и оперируем наиболее общими понятиями), которые концентрируются только в этой части раскопа.

Судя по концентрации находок, возможно, связанных с металлургическим производством (руды), большим количеством углей в заполнении ямы, вполне возможно на гипотетическом уровне выдвинуть предположение, что этот объект был связан с металлургическим производством, и не обязательно как элемент технологической цепочки производства металла, возможно, использовался как склад для хранения руды или других ингредиентов или вспомогательных материалов для металлургии.

Остальные хозяйственные ямы, исследованные на поселении, располагались на всей площади раскопа без особых закономерностей, имели однородное с культурным слоем заполнение и мощность от 10 до 30 см. Датированных находок в заполнении этих ям встречено не было.

Основная масса находок с поселения представлена керамическим материалом, который типологически делится на два комплекса. Первый относится к эпохе раннего железного века (быстрянская археологическая культура), второй — к периоду раннего Средневековья (майминская археологическая культура). Описание и культурно-хронологическую интерпретацию этих комплексов керамики мы проведем в последующих работах. Количественно преобладает более ранняя керамика.

Учитывая слабо разработанный периодизацию памятников быстрянской культуры, ее последующую смену майминской археологической культурой, считаем возможным верхнюю хронологическую границу существования быстрянской культуры ограничить временем появления майминской археологической культуры, которую исследователи датируют с I в. до н.э. [6, с. 206; 7, с. 3; 8, с. 55, 217; 9, с. 41] и предложить датировку комплекса VI—I в. до н.э.

Рассматривать более узкие хронологические рамки у нас пока нет никаких оснований.

С целью определения хронологических рамок существования майминского комплекса поселения Новозыково 3 необходимо рассмотреть такую категорию материала, как вещи, которые залегали в культурном слое и соотносятся именно с рассматриваемым керамическим комплексом. Необходимо отметить, что поселенческие комплексы обычно не балуют исследователей этой категорией находок. В нашем случае обнаружено достаточно большое количество изделий — порядка 20 единиц, пять из которых представлены железными изделиями, остальные — изделия из камня и керамики.

подавляющее большинство этих изделий имеют очень широкие хронологические рамки бытования и обладают огромной универсальностью, что не позволяет им служить ни хронологическими, ни культурными маркерами. Это куранты (рис. 4 — 5, 6, 7), терочки (рис. 4 — 1), песты (рис. 4 — 2, 3), пряслица (рис. 3 — 6, 7, 8), фишки (рис. 3 — 9), точила (рис. 4 — 4).

Хронологически показательными могут быть железное тесло с несомкнутой втулкой, параллельными краями, прямым лезвием и ярко выраженными заплечиками (рис. 3 — 1) и черешковый железный нож с треугольным в сечении лезвием и прямым длинным черешком, отделенным от лезвия уступами со стороны как режущей части, так и со стороны спинки (рис. 3 — 4). Несмотря на то, что хронологические рамки бытования этих вещей достаточно широки, они все равно позволяют нам более точно определить датировку раннесредневекового керамического комплекса и поселения Новозыково 3 в целом.

Б.Б. Овчинникова считает, что тесла с заплечиками появляются в VI–VII вв. [10, с. 59]. Подобное известно с памятника Сохта 2, расположенного в Томском Приобье [11, с. 164], относящегося к релкинской культуре, датирующейся VI–IX вв. [11, с. 67]. Тесло с заплечиками найдено на памятнике БЕ-8 (курган 2, могила 2), который датируется М.П. Грязновым X в. или даже несколько позже [12, с. 151]. Эта дата не вызывает возражений и современных исследователей [13, с. 57]. Тесла с заплечиками (Бике 3, курган 12) В.И. Соенов и Е.А. Константинова датируют VIII–X вв. [14, с. 22]. Ю.С. Худяков тюркские тесла с Енисея, среди которых есть и тесла с заплечиками, датирует VI–X вв. [15, с. 132].

Приведенные аналогии позволяют нам говорить, что подобные тесла появляются не ранее VI в. и продолжают бытовать в последующие хронологические периоды. Это дает нам возможность установить нижнюю хронологическую границу описываемого комплекса не ранее VI в.

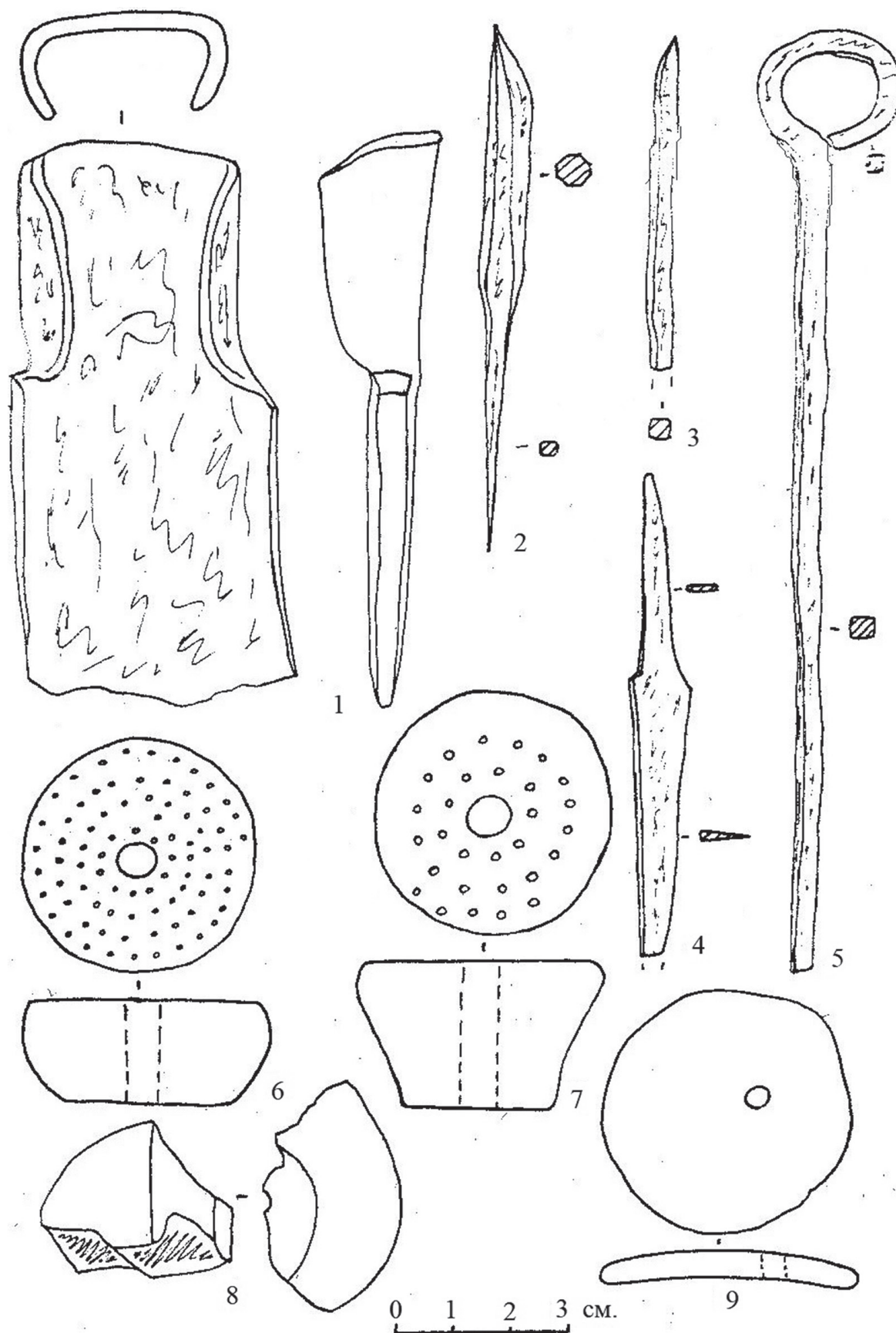

Рис. 3. Изделия из железа (1-5) и керамики (6-9)

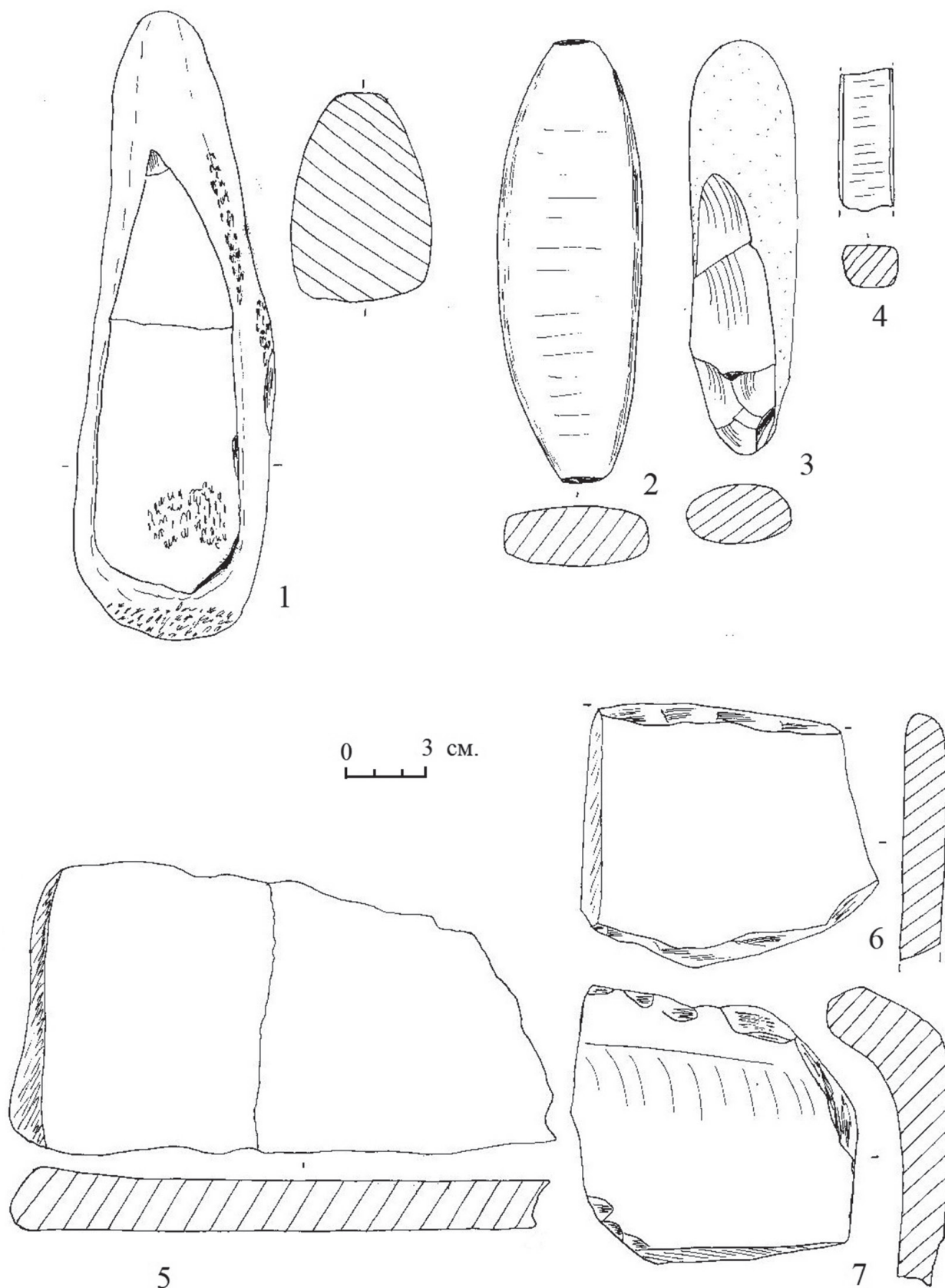

Рис. 4. Изделия из камня

Возможность определения узких хронологических рамок бытования подобных типов ножей (черешковых, с треугольным в сечении лезвием и прямым длинным черешком, отделенным от лезвия уступами со стороны как режущей части, так и спинки), пригодных для хотя бы приблизительной датировки комплекса, оказалась ошибочной. По материалам Алтайского края и сопредельных территорий они датируются очень широко — начиная со II в. до н.э. [16, с. 19, 91], возможно, и раньше (более ранние аналогии не просматривались) и вплоть до XIV в. [16, с. 19; 17, с. 54, 130; 18, с. 65, 71; 10, с. 55–56; 19, с. 105–106, 232; 20, с. 11, 20–36, 149, 172, 187; 12, с. 151; 13, с. 56; 21, с. 56, 99; 22, с. 171, 362; 23, с. 36, 67, 113, 124; 24, с. 154], а, может быть, и позднее (в более поздних комплексах аналогии не просматривались), поэтому в качестве хронологических маркеров эти ножи использоваться не могут.

Косвенным подтверждением нижней хронологической границы комплекса VI в. может служить шило. Подобное (квадратное в сечении, но без завершения, плохой сохранности) обнаружено в кургане 39 Тимирязевского курганного могильника 1, датирующегося по другим предметам сопроводительного инвентаря VI–VIII вв. [20, с. 20–33].

Наличие достаточно большого количества вещей, имеющих широкие хронологические рамки бытования, для датировки всего комплекса использованы быть не могут. Нижнюю хронологическую границу может дать только тесло с развитыми заплечиками. Как уже отмечалось, универсальные орудия этого типа появляются в рассматриваемом регионе и на сопредельных территориях не ранее VI в. Верхнюю хронологическую границу — VIII в., мы определяем по керамическим сосудам одинцовского облика. Более развернутая аргументация культурно-хронологической принадлежности будет приведена в последующих работах.

Библиографический список

1. Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н. Типология поселений Алтая 6–2 вв. до н.э. — Барнаул, 1997.
2. Абдулганеев М.Т., Пугачев Д.А., Степанова Н.Ф. Исследования поселений эпохи железа у с. Карагуж на р. Иша (Северный Алтай) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. — Вып. 2 / под ред. В.И. Соёнова, В.П. Ойношева. — Горно-Алтайск, 2005.
3. Абдулганеев М.Т., Папин Д.В., Семибратов В.П. Картографирование археологических памятников Красногорского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. — Барнаул, 1998.
4. Абдулганеев М.Т. Красногорский район в древности // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. — Вып. 16. — Барнаул, 2007.
5. Казаков А.А., Демин М.А. Аварийные работы в Красногорском районе // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. — Горно-Алтайск, 1992.
6. Горбунов В.В., Кунгуров А.Л., Кунгурова О.Ф., Шамшин А.Б. История Алтая. Ч. 1: Древний Алтай : учебное пособие. — Барнаул, 1997.
7. Абдулганеев М.Т. Майминская культура (предварительные итоги и перспективы изучения) // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири : тез. докл. конф. — Томск, 1993.
8. Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники горной долины нижней Катунь в эпоху палеометалла. — Новосибирск, 2013.
9. Соенов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штанакова Е.А., Соенов Д.В. Чепошские городища. — Горно-Алтайск, 2011.
10. Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в 6–10 веках. — Свердловск, 1990.
11. Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (релкинская культура). — Томск, 1991.
12. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. — № 48. — М.; Л., 1956.
13. Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Алтай в эпоху средневековья. — Барнаул, 2011.
14. Соенов В.И., Константинова Е.А. Ремесленные производства на Алтае. — Горно-Алтайск, 2015.
15. Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. — Новосибирск, 2004.
16. Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. — Новосибирск, 1979.
17. Казаков А.А. Одинцовская культура Барнаульско-Бийского Приобья. — Барнаул, 2014.
18. Скопинцева Г.В. Новые памятники первой половины 1 тыс. н.э. в предгорьях Алтая // Культура древних народов Южной Сибири. — Барнаул, 1993.
19. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. — Томск, 1984.
20. Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. — Томск, 1983.
21. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. — Новосибирск, 1988.

22. Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в 6 в. до н.э. — 2 в. н.э. (по данным грунтовых могильников). — Барнаул, 2008.

23. Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С., Соболев В.И., Полосьмак Н.В., Сидоров Е.А., Соловьев А.И., Бородовский А.П., Новиков А.В., Ким А.Р., Чикишева Т.А.,

Беланов П.И. Бараба в тюркское время. — Новосибирск, 1988.

24. Молодин В.И., Соловьев А.И. Памятник Сопка 2 на р. Оми. Т. 2: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи средневековья. — Новосибирск, 2004.